

ПЕРЕПИСКА С В. А. ТИХОНОВЫМ

Публикация и комментарии И. В. Дистлер

Владимир Алексеевич Тихонов (1857—1914) — писатель, драматург. Родился в семье крупного заводчика в г. Казани. Окончил гимназию и казанское пехотное училище. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. После войны Тихонов жил некоторое время в Тифлисе, здесь началась его литературная деятельность. Он стал постоянным сотрудником тифлисской газеты «Обзор», где 11 февраля 1878 г. напечатал свой первый рассказ «Сутки на очереди». В это время отец и брат его, впоследствии тоже писатель — А. А. Тихонов (псевдоним — А. А. Луговой), разорились, и Тихонов, так же как и брат, становится профессиональным писателем.

Тогда Тихонов играл в драматической труппе Тифлисского театра и в начале 1880-х годов пробовал свои силы как драматург. Первая его пьеса «Через край» была поставлена Александринским театром в Петербурге (преьера 6 сентября 1884 г.). За пьесу «Козырь» Тихонов получил Грибоедовскую премию. Его произведения составили десять томов, которые были изданы в 1914—1915 гг. как приложение к журналу «Родина». Тихонов занимался и редакторской деятельностью. В 1891—1893 гг. он редактировал журнал «Север». Был соредактором Амфитеатрова и Дорошевича в газете «Россия». Позже участвовал в редактировании газеты «Русь» (в газетах Тихонов печатал фельетоны и рассказы под псевдонимом «Мордвин»).

В конце 1910 — начале 1911 г. Тихонов принял участие в организации журнала «Современник», вошел в его редакционно-издательский комитет в январе—феврале 1911 г.

В «Современнике» печатался его роман «Карьера». Отдельное издание романа (СПб., 1912) Тихонов послал Горькому с дарственной надписью: «Любимому всем сердцем, глубоко чтимому, светлому человеку, гражданину и писателю Алексею Максимовичу Пешкову (М. Горькому) от беспредельно признательного ему В. Тихонова. 22 января 1912 г. Гатчина» (*ЛБГ, Описание*).

В начале сентября 1912 г. Тихонов, задумав издание ежемесячного журнала «Кругозор», обратился к Горькому с просьбой о сотрудничестве. В переписке отразились некоторые моменты истории создания журнала и отношение к нему Горького. Как это видно из переписки, Горький, ознакомившись с первым номером «Кругозора», убедился в бесперспективности этого начинания и отказался от участия в журнале.

Ниже публикуется 7 писем Горького и 11 В. А. Тихонова.

1. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 18 апреля 1905 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Дело вот в чем:

Лет двадцать тому назад в Петербурге образовалось Русское литературное общество. Долгое время деятельность этого Общества носила чисто академический характер, т. е. дебатировались рефераты на разные, более или менее литературные темы. Затем при этом Обществе возник «Союз русских писателей» и сразу оттянул к себе весь интерес. Потом «Союз» был закрыт, наследство его перешло к Русскому литературному обществу, а оно, в свою очередь, сталоглохнуть,глохнуть... Дошло до того, что за последних три года не было ни одного собрания, а на днях Совет Общества разослал повестки, созывая членов для окончательной ликвидации дел Общества¹.

Но — собравшиеся члены на этом собрании решили, что ликвидировать Общество отнюдь не следует, а нужно его «освежить», влить в него новую жизнь, дать ему новое направление. Для этого была избрана комиссия под председательством профессора Н. И. Кареева². Попал в эту комиссию и я. На собрании комиссии мы решили, что прежде всего надо пополнить состав членов Общества новыми лицами. И вот наметили, кого, собственно, необходимо привлечь к деятельности этого Общества. Вы, конечно, были поставлены в первую голову.

Так вот, будьте так добры, ответьте: согласны ли Вы в принципе вступить в действительные члены обновляющегося «Русского литературного общества» и подвергнуться несомненно и безусловно благоприятной для Вас баллотировке?

Будьте добры, ответьте мне поскорее, т. к. скоро мы соберем общее собрание. А также сообщите об этом Леониду Николаевичу Андрееву и доктору С. Я. Елпатьевскому³, если они находятся в Ялте, тоже поставленных в число весьма желательных сочленов. Попросите и их ответа.

Кроме них, комиссией намечены еще: Арсеньев К. К., Чириков Е. Н., Найденов С. А., Короленко В. Г., Анненский Н. Ф., Гарин-Михайловский, Милуков, Тан, Зелинский, Кузьмин-Караваев, Радлов и мног. других. В председатели намечены:

Вейнберг П. И. и Н. И. Кареев.

В Совет, кроме вышеупомянутых двух: А. Ф. Кони, Батюшков, Котляревский Н. А. (Все трое, плюс и Вейнберг состоят уже членами и старого Совета), а из новых к ним прибавим — Кареева и, вероятно, — Венгерова⁴.

Общество обещает быть чистым и интересным. Нельзя же, в самом деле, допускать в наши дни закрываться — да еще как! По собственному почину, т. е. кончать самоубийством — Литературное общество, когда его можно воскресить и призвать к новой жизни.

Ну, вот и все!

Очень жду Вашего ответа. А пока жена моя и я Вам и Марии Федоровне шлем свои наизадушевнейшие приветы.

А Мария Федоровна мне обещала прислать Ваши (обоих) фотографии, а не прислала еще.

Пьесу мою все переделываю⁵.

Сердечно желаю Вам здоровья и всего, чего только Вы сами себе пожелаете.

Весь Ваш В. Тихонов

¹ Русское литературное общество — существовало в Петербурге с 1886 г. Союз взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе начал свою деятельность 24 января 1897 г. Цели Союза были изложены в «Уставе Союза взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе» (СПб., 1897). В 1897—1899 гг. в литературном Суде чести Союза писателей активно работал В. Г. Короленко. В. А. Тихонов, так же как и его брат А. А. Тихонов-Луговой, состоял членом Союза с 1897 г.

² 19 февраля 1901 г. Горький принял участие в собрании Союза взаимопомощи русских писателей, о чем свидетельствует справка Департамента полиции: «По агентурным сведениям от февраля 1901 года Пешков прибыл из Нижнего Новгорода в С.-Петербург специально для присутствия 19 февраля, в день сорокалетней годовщины освобождения крестьян, на заседании „Союза писателей“, на котором были произнесены речи крайне противоправительственного содержания» (ЛЖТ. Вып. 1. С. 300).

Союз был закрыт в марте 1901 г. постановлением министра внутренних дел за протест против избияния студентов во время демонстрации в Петербурге 4 марта.

³ Николай Иванович Кареев (1850—1931) — историк, профессор Петербургского ун-та, автор трудов по истории Западной Европы.

⁴ С. Я. Елпатьевский с конца 90-х годов жил в Ялте, где организовал санаторий для немощных туберкулезных больных.

⁵ Тихоновым перечислены: Константин Константинович Арсеньев (1837—1919) — публицист, юрист, с 1909 г. редактор журн. «Вестник Европы», главный

редактор «Энциклопедического словаря» и «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза — Ефрона; Сергей Александрович *Найденов* (1868—1922) — драматург; Николай Федорович *Анненский* (1843—1912) — экономист, публицист, сотрудничал в «Современных записках», «Русском богатстве»; Павел Николаевич *Миллюков* (1859—1943) — политический деятель, историк, публицист, один из лидеров партии кадетов; Владимир Германович *Богораз* (псевдоним «Тан», 1865—1936) — писатель, этнограф; Фаддей Францевич *Зелинский* (1859—1944) — историк литературы, профессор Петербургского университета; Владимир Дмитриевич *Кузьмин-Караваев* (1859—1927) — публицист; Василий Васильевич *Радлов* (1837—1918) — востоковед-тюрколог; Петр Исаевич *Вейнберг* (1831—1908) — поэт и переводчик; Анатолий Федорович *Кони* (1844—1927) — юрист, общественный деятель; Нестор Александрович *Котляревский* (1863—1925) — историк литературы; Семен Афанасьевич *Венгеров* (1855—1920) — историк литературы, библиограф.

⁵ О какой пьесе идет речь, установить не удалось.

2. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

(Ялта. Апрель, не ранее 20, 1905 г.)

Уважаемый Владимир Алексеевич!

Быть членом какого-либо «общества» только тогда имеет смысл, — если будешь принимать деятельное участие в жизни этого «общества», — а так как я человек кочевой¹, не могу обещать, что буду что-то делать для литературного общества, то и считаю долгом отказаться от вступления в него членом.

Андреев — в Москве, Елпатьевскому — скажу. Жму вашу руку, кланяюсь супруге.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. 1.

¹ После освобождения из Петропавловской крепости Горький 14 февраля уехал в Ригу, где прожил до 21 марта. С 22 по 27 марта находился в Москве. С 29 марта по 7 мая жил в Ялте. 9 мая приехал в Москву, где пробыл до 15 мая (*ЛЖТ*. Вып. 1. С. 518—532).

3. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) 5 (18) января 1914 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович.

Шлю Вам мою сердечную благодарность за Вашу поддержку «Современнику». Она для нашего журнала неоцененна и придала нам много бодрости и надежды.

Будьте здоровы и благополучны. Жена моя и я шлем наши задушевные приветы Вам и Марии Федоровне.

Всей душой преданный Вам В. Тихонов

Мы оба горячо любим Вас.

4. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

1/14 сентября (1912 г.)
Гатчина

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

С января 1913 г. я буду (т. е., вероятно, буду) издавать ежемесячный, то, что называется, «толстый» журнал, под названием «Кругозор»¹, подписная цена — 6 руб. в год.

Журнал реалистический, демократический, ну, и, конечно, прогрессивный.

Когда Илья Сургучев в последний раз отправлялся за границу, я просил его поговорить с Вами об замышляемом мною уже и тогда журнале и просить Вас об сотрудничестве, хоть бы и в самых скромных разме-

рах. Сургучев писал мне с Капри 20-го мая с. г. о том, что он с Вами об этом говорил и что Вы «несомненно поможете журналу». Это меня, конечно, страшно обрадовало, окрылило, можно сказать, даже; но из ответа Сургучева я все-таки не могу решить: что это — его личное умо-заклечение, что Вы поможете, так сказать, впечатление, вынесенное из разговоров с Вами, или Вы ясно и определенно высказали, что не откажете мне в Вашем сотрудничестве? Расписывать Вам, как драгоценно для меня Ваше сочувствие моему делу, я не стану, а просто прошу Вас подтвердить: могу ли я надеяться получить от Вас что-нибудь для моего «Кругозора»?

Дело я начинаю скромно, без всяких компаньонов по изданию, да и почти без всяких средств, т. е. отдаю моему будущему журналу все то, что зарабатываю текущей работой в других изданиях. Что меня побуждает издавать этот журнал и на старости лет возлагать на себя такое бремя? Да просто чувство глубокого убеждения, что существует целая масса простого читателя, которая не удовлетворена современными журналами, которая просит самой простой, здоровой литературной пищи, — без фокусов, без вычур, без модных кривляний, без напыщенного педантизма, без претенциозной скуки; которая нуждается в живом и бодром слове, чурается безвольного нытья, эстетических бредней, слабонервных иска-тельств; которая тянет свои руки к тому хорошему «старому», что будило и поддерживало в обществе веру в светлые идеалы и надежду на их достижение. Сельский врач, учительница, прогрессивный священник, грамотный крестьянин и рабочий, молодое поколение, которое расшатывается доморощенными «мефистофелями» и разными оболгателями жизни, — вот, главным образом, тот читатель, для которого я хочу выпускать мой скромный журнал.

Этот-то именно читатель особенно горячо любит и ценит Вас, Алексей Максимович, Вас — первого, восставшего против безвольного нытья и властно крикнувшего свое заветное, бодрое слово.

Вот и все. Разве еще прибавить, что в моих объявлениях я не считаю нужным перечислять всех будущих сотрудников, во-первых, потому, что это стало уже такой банальщиной: одни и те же имена встречаются в анонсах самых разнообразных по направлению изданий, я думаю, Вы и сами давно в этом убедились. А во-вторых, перечисляя имена сотрудников, я как бы этим самым обязываюсь печатать все, что они мне ни дадут. А я на это, конечно, согласиться никаким образом не могу, потому что мне бы хотелось выдержать, по возможности, строгую стройность направления моего журнала. *Единственное* имя, которое я бы смело и радостно объявил моим будущим читателям, — это Ваше имя, Алексей Максимович; но сделать это я, без особой Вашей санкции, конечно, не решусь.

Ответьте мне, пожалуйста, и возможно скорее: могу ли я рассчитывать получить от Вас какое-нибудь произведение для напечатания — это, во-первых, а во 2) найдете ли Вы удобным для себя разрешить мне выставить Ваше имя как участника в журнале? Повторяю: только одно Ваше имя; других никаких не будет; а в 3) в случае Вашего согласия сообщить мне о размере гонорара, кот(оторый) Вы желаете получать.

Еще раз прошу Вас ответить поскорее. А затем, шлю Вам мой сердечный привет.

В. Тихонов

Р. S. Кстати: издатель журн. «Пробуждение» Н. В. Корецкий, узнав, что я буду писать Вам, просил меня спросить Вас: не может ли он, в виде приложения к своему журналу, в особой книжке, дать два-три Ваших старых или новых (по Вашему выбору) рассказа, сопроводив их Вашим портретом и наиболее полной биографией. Несколько таких кни-

жек он выпустил уже в предыдущие годы. Между прочим, книжку рассказов В. Г. Короленко. Он уже писал Вам об этом, но, не получая до сих пор ответа и не зная, дошло ли до Вас его письмо, убедительнейше просит Вас вывести его из этой неизвестности².

Р. Р. С. Простите, что писал письмо не своей рукой: у меня болят глаза, и это мое большое горе.

В. Тихонов

Дата — 1913, поставленная Тихоновым, — ошибочна. Год письма установлен по содержанию.

¹ «Кругозор» — ежемесячный литературно-политический журнал. Издание Вл. А. Тихонова. Первый номер вышел в январе 1913 г. в Петербурге, второй и последний — в феврале 1913 г.

² 2 августа 1913 г. Николай Владимирович Корецкий писал Горькому: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович! Предполагая, по примеру прежних лет, выдать бесплатное приложение к журналу „Пробуждение“ небольшие художественные выпуски рассказов известных современных писателей, с портретами, факсимиле и биографией авторов (как уже изданы мной в прошлом году рассказы Вл. Г. Короленко, А. Куприна и Л. Н. Толстого...), я обращаюсь к Вам с просьбой не отказать мне в разрешении выпустить в свет в изящном издании бесплатным приложением в 1913 г. 4—5 рассказов по Вашему усмотрению, размер коих в общем составлял бы сборник в 2 печатных листа...» На письмо надпись И. П. Ладыжникова: «По договоренности А. М. Пешкова (М. Горького) предоставляю Николаю Владимировичу Корецкому дать в качестве приложения к журналу „Пробуждение“ в 1913 г. рассказы Горького „Жалобы“ (4 очерка) или „Романтик“ („Мордовка“)... 2 окт. 1912 И. Ладыжников» (АГ). Издание это не осуществилось.

5. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

(Капри. 8/21 сентября 1912 г.)

Дорогой и уважаемый Владимир Алексеевич!

На вопрос о сотрудничестве моем в журнале «Кругозор» я не могу ответить вам ни да, ни нет, ибо вы не сообщаете ни имени ближайших сотрудников ваших и членов редакции, ни программы, согласно которой организуется журнал.

Вы, конечно, согласитесь, что для того, чтобы принять участие в деле, необходимо знать, ради чего начинается дело?

Реализм в литературе — это касается только отдела беллетристики и ничего не говорит о политической линии журнала. Таким образом, вопрос о сотрудничестве моем остался открытым до поры, пока я не ознакомлюсь с журналом. Г. Корецкий действительно писал мне о своем желании издать несколько моих рассказов, но он забыл сообщить, на каких же условиях желал бы он издать их?

Будьте здоровы. Желаю хорошего успеха делу, затеянному вами.

А. Пешков

Датируется по пометам В. А. Тихонова: «Отпр. 8/21 сент. 1912. Получено 13/26 сент. 1912 г.»

6. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) 16(29) сентября 1912 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович.

Прежде всего очень благодарю Вас за скорый ответ. А затем постараюсь, насколько сумею, ответить и Вам на поставленные в Вашем письме вопросы.

Вы спрашиваете: какую политическую линию я имею в виду вести в журнале? Линию, *возможно*, при наших современных цензурных условиях, прогрессивную. Вы, может быть, скажете, что это — общо. Согласен с Вами. Но в письме трудно ответить более обстоятельно. Прать про-

тив рожна — это значит с первых же шагов обречь свое издание на гибель, чего, естественно, мне не хотелось бы. А потому я вопросы, которые нельзя трактовать так, как бы следовало, буду скорее замалчивать, чем говорить о них «эзопым» языком, давая этим возможность всяким кривотолкам.

Ни одной из существующих политических партий я фактически обслуживать не стану. Но самый факт обращения к Вам с просьбой о сотрудничестве, кажется, ясно говорит о том, куда клонятся мои симпатии и в чем мое сгедо.

Вы спрашиваете: кто будет у меня сотрудничать? На это мне легче ответить Вам: кто *наверное* у меня сотрудничать не будет. Из первого моего письма Вы можете убедиться, что я становлюсь в позицию врага всякого человеконенавистничества, племенной вражды, декадентских кривляний, возбуждения дурных инстинктов, национализма во вкусе Достоевского и квиетизма по заповедям Толстого.

Не бойтесь, Алексей Максимович! На страницах моего журнала Вы не встретитесь с именами, не только опороченными, но и шаткими в своих убеждениях.

Из кого состоит редакция? Да пока только из одного меня, да моего помощника, молодого журналиста, С. Я. Арефина¹ (его работы помещались в наиболее прогрессивных газетах и в «Русском богатстве»).

Пересчитывать Вам имена беллетристов я не нахожу возможным, ибо беллетристы — грядут еще. Из молодых — наиболее деятельное участие в «Кругозоре» примет Илья Сургучев.

Конечно, такие имена, как Арцыбашев, Каменский, Ясинский (в особенности сей последний), никогда не появятся на страницах «Кругозора», пока руководить им буду я.

«Без шансов», как говорят спортсмены, пройти в «Кругозор», находится и «модный» у нас в настоящее время г. Ропшин.

Мне хочется сделать мой журнал живым и отзывчивым, и потому я страшно боюсь замыкаться в круг давно уже определенных сотрудников. И потому составлять редакцию буду осторожно, исподволь, книжка за книжкой.

Под давлением установившегося обычая я боюсь, что мне придется все-таки перечислить в объявлениях несколько имен будущих сотрудников «Кругозора». Я был бы несказанно счастлив, если бы Вы позволили украсить этот список и Вашим именем. Думаю, что большинство имен, кот(орые) я выставлю в объявлении, будут имена лиц, принимавших участие в Ваших сборниках «Знания». А из других могу пока назвать: гр. А. Н. Толстого, Вережникова², биолога Гиришмана³, Ф. Д. Батюшкова, С. А. Венгерова, д-ра В. В. Чехова⁴. Кроме того, на днях имею в виду обратиться в Берлин к П. Я. Рыссу⁵, американские очерки которого так ярки и интересны. Затем жду ответов еще кое от кого.

Дорогой Алексей Максимович! Перечитайте еще раз мое первое письмо к Вам, дополнив его настоящим, и дайте мне все-таки ответ: могу ли я рассчитывать на Ваше участие в «Кругозоре» и позволите ли Вы мне выставить Ваше имя в числе сотрудников журнала?

Ответ на последнюю просьбу, ввиду необходимости уже составлять объявление, мне бы хотелось получить как можно скорее. Не будете ли Вы так добры, не сообщите ли мне его самой короткой телеграммой, хотя бы одним только словом: «да» или «нет». Мой адрес для телеграмм: «Gatcina. Wladimir Tichonoff» и больше ничего не нужно. А затем — «да» или «нет».

Если «да» — я с радостью выставлю Ваше имя, если — «нет», с грустью откажусь от этой радости.

Жена и я шлем задушевный привет Вам и Марии Федоровне.

Сердечно Ваш В. Тихонов

¹ Семен Яковлевич *Арефин* — публицист, писатель, автор ряда рассказов и пьес.

² В «Кругозоре» № 1 был напечатан рассказ А. Вережникова «Запущенное семейство».

³ Очевидно, речь идет о Леонарде Леопольдовиче Гиршмане (1839—1921) — враче-офтальмологе.

⁴ Владимир Владимирович *Чехов* (1867—?) — врач-психиатр, занимался проблемами детской преступности.

⁵ Петр Яковлевич *Рысс* — журналист. В «Кругозоре» были опубликованы его очерки «Котелок. (Записки парадоксалиста)» (№ 1) и «За рубежом» (№ 1 и 2)..

7. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

(Капри, 23 сентября/6 октября 1912 г.)

Уважаемый Владимир Алексеевич!

Не поклонник я «номинального» участия в журнале, — участия одним именем и только на обложке, но — если вам так хочется этого — печатайте имя мое! ¹ А фактически сотрудничать едва ли я буду, ибо — по горло завален делом и писать мне некогда, а что написал — уже отдал в разные места.

Если *Арефин* — автор «Сашурки», напечатанном в «Р(усском) б(огатстве)», ² — скажите ему, что он написал очень хороший рассказ и чтоб берег свой несомненный талант — не торопился бы печататься, не истязал своих сил. Желая ему всего доброго.

Вам — тоже, конечно.

И успеха с журналом, который — надеюсь, вы мне будете посылать? Крепко жму руку

А. Пешков

Датируется по помете Тихонова: «Получ. 28 сентября (11 октября) 1912. Отпр. 6 окт. 1912 н.ст.»

¹ Имя Горького значилось в объявлении № 1 «Кругозора».

² Рассказ С. Я. Арефина «Сашурка» был напечатан в 6 кн. «Русского богатства».

8. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

(Капри, 25 сентября/7 октября 1912 г.)

Дорогой Владимир Алексеевич!

Вчера написал вам письмо, сегодня посылаю другое.

Пришла, как мне кажется, не дурная идея. Дело вот в чем: если вы хотите наладить хороший, нужный журнал, — вам необходимо поставить в нем серьезный отдел вполне солидно и ново. Есть группа, которая, как я думаю, вполне способна придать журналу определенную физиономию, это — трудовики ¹.

Им необходим большой орган, вам нужны дельные сотрудники. Трудовическая программа, несмотря на ее неясность, несомненно, будет иметь успех в среде демократии, — демократия нуждается в организации, трудовики могут помочь ей и в этом ².

Я бы очень рекомендовал вам войти в сношения с Михайлом Егоровичем Березиным, бывшим товарищем председателя 2-й Думы. Адрес его вы узнаете в газете «Столичные отклики».

Вы — редактор по отделу беллетристики — критики, а М. Березин с товарищами поставит вам отдел политики и общественной жизни.

Тогда на Руси будет еще один хороший журнал, способный сослужить большую службу демократии. Подумайте, как это было бы хорошо! Нам всем без различия наших воззрений необходимо заботиться об организации левой журналистики. Это высокая и важная задача.

Будьте здоровы, желаю успеха!

А. Пешков

Датируется по пометам Тихонова на письме: «Отправлено с Капри 25 сентября (8 октября) 1912 г. Получено в Гатчине 30 сентября (13 октября) 1912 г.» Тихонов ошибся при переводе даты письма на ст. ст.

¹ Трудовики (*Трудовая группа*) — крестьянские депутаты в Государственной думе, отделившиеся от кадетов. В. И. Ленин неоднократно писал о трудовиках и их отношениях с другими партиями. Он отмечал колебания трудовиков между кадетами и рабочей демократией, вытекающие из их классового положения. В статье «Что делается в народничестве и что делается в деревне?» (1913) Ленин подчеркивал разницу между интеллигентами-народниками («из рук вон плохие социалисты и размагниченные демократы») и крестьянами-трудовиками: «Крестьяне-трудовики вовсе не играют в социализм, который им абсолютно чужд, но они „внутряные“, искренние, горячие и сильные демократы» (*В. И. Ленин. Т. 22. С. 364*).

² В это же время Горький писал И. П. Ладыжникову: «А у трудовиков тоже, вероятно, будет свой журнал: я уговариваю Вл. Тихонова передать „Кругозор“ им и думаю, что уговорю его» (*Арх. Г. Т. VII. С. 207*).

9. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) 29 сентября (12 октября) 1912 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Вашу телеграмму «да» и последнее письмо Ваше я получил¹. От всей души благодарю Вас за Ваше разрешение поставить Вашу фамилию среди сотрудников «Кругозора». Это для меня такая большая моральная поддержка!

Вы пишете, что Вы не охотник участвовать только номинально, а что написать что-либо для «Кругозора» у Вас вряд ли найдется время... А если найдется? А если что-нибудь напишется? Как бы Вы обрадовали меня, если бы прислали что-нибудь!

Я не одной беллетристики жду от Вас, Алексей Максимович! Ваши публицистические статьи не меньше драгоценны и желательны для моего журнала. Ваш фельетон в «Русск(ом) сл(ове)» «О современности»², Ваша статья «О национальных вопросах» в «Украинской ж(изни)»³ и другие Ваши публицистические работы... да с какой бы радостью и благодарностью напечатал я их на страницах моего будущего журнала!

Таким образом, если у Вас не будет для меня лишнего, беллетристического произведения, то Вашей публицистической статье я обрадуюсь ничуть не меньше, а может быть, даже и больше.

Мой журнал весь к Вашим услугам, Алексей Максимович! Все, что только возможно напечатать при современной нашей карательной цензуре, будет напечатано мною и с радостью, и с гордостью. Условия Ваши, каковы бы они ни были, заранее приемлемы мною. Верьте, Алексей Максимович, что это не пустые фразы, а слова, идущие прямо от сердца и глубокого убеждения Вашего громадного значения для русской жизни и литературы.

Вы спрашиваете: тот ли это Сергей Арефин, что написал «Сашурку», напечатанную в «Русск(ом) бог(атстве)»? Тот самый, Алексей Максимович! «Сашурка» — его беллетристический дебют. Арефина я знаю уже давно — жил когда-то довольно долго вместе с ним в Финляндии. Он — журналист, а беллетристом его сделала — тюрьма. Больше полутора лет просидел он в «Крестах» и написал там вот эту самую «Сашурку» да еще комедию «Митра». «Сашурка» вылилась, как Вы сами видели, весьма талантливо. «Митра» менее удалась ему, и, главным образом, потому что он написал ее в несвойственной ему драматической форме. Ввиду ее полной цензурности для театра, я убедил его переписать «Митру» в виде повести и уверен, что это ему вполне удастся и «Митра» будет вещь очень талантливой и значительной. Она будет напечатана в «Кругозоре» в одном из первых книжек⁴.

Я глубоко убежден, что Арефин надрываться беллетристикой не станет и не разменяет свой свежий, хороший талант на пустяки и на ремес-

ло, как — увы! — случается это со многими нашими талантливо начинающими беллетристами.

Счастье в том, что Арефин не живет и не мечтает жить на счет беллетристики. В потребностях своих он крайне скромен и довольствуется пока газетным заработком. Я с большой надеждой и любовью смотрю на этого молодого еще человека.

Ваши слова о нем я завтра же передам ему, и это будет для него большим праздником, п(отому) ч(то) он также любит и ценит Вас, Алексей Максимович! А затем, еще раз сердечное Вам спасибо.

Душевно преданный Вам В. Тихонов

¹ Тихонов имеет в виду п. Горького от 23 сентября/6 октября 1912 г. (см. п. 7). Очевидно, в тот же день была послана и упоминаемая Тихоновым телеграмма Горького (не разыскана).

² Ст. «О современности» напечатана в газ. «Русское слово» (1912, № 51 и 52, 2 и 3 марта).

³ «О русской интеллигенции и национальных вопросах». (Ответ на анкету «Украинской жизни») (Украинская жизнь. 1912. № 9. Сент.).

⁴ В первых 2 кн. «Кругозора» была напечатана повесть С. Я. Арефина «Голубенок». Комедия «Митра» в «Кругозоре» не публиковалась.

10. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Гатчина.⟩ 2/15 октября 1912 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Вот и опять приходится начинать письмо с благодарности Вам. Вы как раз указали на самое слабое место в моей редакции, — а именно: на внутреннюю политику. Я уже давно обдумывал этот вопрос и соображал, кому поручить этот наитруднейший отдел журнала. Думал даже обратиться к В. В. Водовозову, но — (между нами) — В(асилий) В(асильевич) так сух, педантичен и односторонен, а я так боюсь именно *этого налета* на «Кругозор», что удерживался от обращения к В. В. Водовозову.

И вот, Вы мне указываете на Мих(аила) Ег(оровича) Березина. Чего же лучше! Лично я с ним не знаком, но деятельность его всем известна.

На днях же повидаюсь с ним и поговорю обстоятельно. Полагаю, что прештствий к нашему соглашению не встретится. Орган, кот(орым) они теперь располагают, вряд ли может их удовлетворить: едва ли приятно вести дела с Н. И. Кулябко-Корецким¹.

И, таким образом, я надеюсь, что и внутренний отдел у меня будет оборудован удачно. Хотя *вполне* обслуживать в моем журнале трудовую партию, как и всякую другую, я не желал бы, особенно в первый год существования журнала.

Еще раз спасибо Вам за добрый совет и указание. Сердечно прошу Вас не оставлять меня и впредь Вашими советами.

Душевно Ваш В. Тихонов

¹ Речь идет о еженедельной, политической и литературной газ. «Столичные отклики». Выходила по понедельникам в 1912 г. Ее издателями были В. В. Водовозов и Н. И. Кулябко-Корецкий.

11. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

⟨Капри. 12/25 октября 1912 г.⟩

Дорогой Владимир Алексеевич!

Двое «начинающих» просят меня предложить их опыты для вашего журнала. Прибой — матрос, участник Цусимского боя: он уже печатался в маленьких журналах и в «Речи».

Старк — молодой парень, кажется, не без дарования, тоже печатался в провинциальной прессе¹.

Исполняя их желание — посылаю рукописи. Сообщите мне — когда выйдет первая книга журнала?

Сердечно желаю успеха и доброго здоровья.

А. Пешков

25/Х.
912.

Р. С. Если рукописи не понравятся — возвратите их, пожалуйста, мне. На письме помета Тихонова: «Получ. 18/31 октября 1912».

¹ А. С. Новиков-Прибой и Л. Н. Старк в «Кругозоре» не печатались.

12. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) 18/31 октября 1912 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович.

Сегодня получил от Вас рассказ «Пошутили» — Прибой и 4 стихотворения Леонида Старка. И то, и другое как нельзя более подходит для «Кругозора» и будет напечатано в одной из первых книжек журнала. Сердечно благодарю Вас за присыл и Вашу добрую заботу об журнале. Видно, что и тот, и другой — начинающие. Прибой еще даже весь под влиянием Станюковича, но от его рассказа пахнет морской свежестью, а главное, меня радует простота языка.

Стихи Старка тоже очень недурны, особенно «Оттепель».

Еще раз благодарю.

Первую книжку «Кругозора» намереваюсь выпустить в самом начале января 1913 г. Если Вы удосужитесь прислать что-нибудь «на зубок новорожденному», то очень просил бы Вас сделать это в самом начале декабря русск(ого) стиля, чтобы я мог поставить Вашу вещь первым номером.

Типография, в кот(орой) будет печататься «Кругозор» (Бор. Марк. Вольфа) скромна и небогата; запасов делать нельзя, а потому придется сдавать материал для набора по мере его поступления.

Ах, как бы я был счастлив, если бы первая книжка украсилась Вашим произведением: будь то беллетристика или публицистическая статья — для меня одинаково желательно.

С Мих. Егор. Березиным я начал переговоры, но пока еще ни до чего не договорился; он весь поглощен предвыборной борьбой в Гос(ударственную) думу, т. к. выставляет свою кандидатуру от трудовиков, и мы наш окончательный разговор отложили до 25 окт(ября), когда уже выборы состоятся.

Симпатичная партия — трудовики, хотя и расплывчатая, но среди них «бойких перьев» мало: И. В. Жилкин¹ работает уже в нескольких изданиях («Русск(ое) слово»; «Вест(ник) Евр(опы)») и хотя работник он честный и хороший, но неярок. В. В. Водозова же я прямо побаиваюсь: очень уж он педант, да и суховат. Сам М. Е. Березин — писать не особенно любит, но предложением моим заинтересовался. Во всяком случае, через неделю вопрос этот выяснится.

Будьте здоровы, Алексей Максимович. Желаю Вам всего доброго.

Сердечно Ваш В. Тихонов

¹ И. В. Жилкин (1874—1958) — журналист, один из лидеров трудовиков. Давая ему политическую характеристику в 1906 г., Ленин писал: «Жилкин — образец несознательного и неустойчивого трудовика, который тащится в хвосте у „либеральных помещиков“...» (В. И. Ленин. Т. 14. С. 212).

13. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

(Капри. 25 октября/7 ноября 1912 г.)

Дорогой Владимир Алексеевич!

Очень может быть, что к январю я успею прислать вам что-либо, а пока, — исполняя просьбу автора, — посылаю роман¹.

Автор, это тот Вячеслав Артемьев, который выпустил уже две книги: «Стены» и «Архаровцы» — одну из них — со свирепым предисловием по адресу редакторов и литераторов².

Он — офицер, человек не без таланта, его «Архаровцы» вызвали ряд одобрительных рецензий.

Если вам рукопись не понравится — возвратите ее по адресу автора, данному на первой странице.

Успеха и успеха начинанию вашему!

А. Пешков

7/XI
912

Датируется по помете Тихонова: «Получ(ено) 31 октября (13 ноября) 1912 г.»

¹ Горький послал Тихонову рукопись романа «Земное» Вячеслава Константиновича Артемьева (наст. фамилия Лисенко, 1873—1934), автора книг «„Стены“ и др. рассказы» (Харьков, 1910) и «„Архаровцы“ и другие рассказы» (Харьков, 1911). В АГ хранится переписка Горького с Артемьевым, а также отзыв Горького о его рассказе «На пароходе» (1906).

Горький писал Артемьеву в июле-августе 1913 г.: «Вячеслав Константинович! Вы желаете знать мое мнение об „Архаровцах“, я скажу его вполне откровенно: это интересная книга, но она могла бы быть значительно лучше — художественнее — если бы вы поработали над нею более усердно.

Нет сомнения — вы даровитый человек, но — извините — плохой работник, — слишком торопитесь сделать и, видимо, не чувствуете наслаждения делать.

Этим — поспешностью работы — испорчено „Земное“. Пройдет два года, и — мне кажется — этот роман перестанет нравиться вам, как, вероятно, не нравится уже теперь „Стены“.

Я ошибаюсь?

„Стены“ — хуже сделаны, чем „Архаровцы“.

Предисловие вы написали напрасно. Вы думаете — тот же Куприн так сразу и вошел в литературу „генералом“? Поверьте — все переживали то же самое, что выпало на Вашу долю. У меня, напр., рукописи просто „терялись“ в редакциях.

Будьте здоровы, от души желаю Вам всего хорошего и — в том числе — успеха, заслуженного вами за „Архаровцев“ (АГ).

² В предисловии к кн. «Архаровцы» Артемьев писал: «Еще очень молодым человеком я был твердо убежден, что мое призвание — призвание писателя, но это убеждение постоянно и неуклонно... опровергалось редакторами почти всех русских журналов. Мои рассказы возвращались мне аккуратно из редакций „Северного вестника“, „Книжечка недели“, „Вестника Европы“, „Русского богатства“, „Русской мысли“, „Современного мира“, „Мира божьего“ и др. Из моих рукописей образовалось кладбище. Иногда возвраты эти сопровождались письмами редакторов с советами (ужасно любят советовать русские редакторы) о том, как мне быть. Несколько лет тому назад я получил от Куприна, бывшего тогда в составе редакции „Мира божьего“, следующее письмо: „М. б., легенды о редакторской корзине суть несправедливые и жалкие вымыслы, за которыми прячется оскорбленное самолюбие неудачников“. Предисловие завершалось советом молодым начинающим писателям: «не слушать авторитетов, сколь бы знамениты и всезнающи они не были, и не думать, что все редакторы непременно умны, писатели благожелательны, а критики нелицеприятны...»

Положительная рецензия на кн. Артемьева «Архаровцы» была напечатана в «Современнике» (1911, кн. 8).

14. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

31 октября
(Гатчина.) — 13 ноября 1912 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович!

Сердечно обрадовали Вы меня обещанием прислать Вашу статью к первой (январской) книжке «Кругозора».

Нечего говорить, с каким нетерпением я буду ждать ее и как дорого и ценно будет для журнала появление статьи Вашей в его первой книжке.

Как раз сегодня собирался я писать Вам именно об этом, как получил Ваше доброе письмо. Спасибо за пожелания моему журналу. Не знаю, как он пойдет, но знаю только, что в это дорогое для меня дело я вкладываю всю, всю мою душу и Ваше сочувствие, Алексей Максимович, мне особенно дорого.

Итак, очень буду надеяться, что Вы удосужитесь написать для «Кругозора» для его первой книжки что-нибудь. Только позвольте просить Вас, Алексей Максимович, прислать Вашу статью не позже 1-го декабря старого стиля, т. к. типография, где будет печататься «Кругозор», велика и скромная, и материал для набора придется сдавать заблаговременно и исподволь.

Романа, о котором Вы пишете, я еще не получил. Об авторе его, Вячеславе Артемьеве, я уже слышал. Очень был бы рад, если бы роман его оказался для «Кругозора» подходящим, т. к. именно романа-то хорошего у меня в виду и нет, а для журнала он необходим.

Еще раз спасибо за добрые пожелания.

Очень буду ждать Вашей статьи.

Будьте здоровы.

Сердечно Ваш В. Тихонов

Простите, что пишу не своей рукой, глаза мои очень плоховаты.

15. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) 12/25 ноября 1912 г.

Ну, и задали Вы мне задачу, дорогой Алексей Максимович! Я говорю про роман «Земное» Вячеслава Артемьева (Лисенко). Прочитал я его внимательно, с чувством, толком, расстановкой и — первый раз в жизни — нахожусь в таком недоуменном состоянии: можно печатать это произведение в таком виде, как оно написано, или нет? Автор несомненно талантливый человек, даже, может быть, очень талантливый, но какой-то необычайно сумбурный, минутами мне даже приходит в голову, что — нервнობольной. Сцены, набросанные им, иногда тщательно отделаны, иногда прямо-таки даже недоделаны!, бестолково мозаичны, сплошь да рядом нарушается даже целостность характера самого героя, и он то и дело сбивается с тона и выходит какой-то «Федот, да не тот».

Архитектура романа прямо хаотическая. Сцены можно перетасовывать, как угодно... Вообще, отрицательных качеств в этом произведении — много; а между тем... Между тем не хочется выпускать его из рук. Хочется непременно его напечатать, произведя над ним какую-то нужную операцию.

Ужасно дело осложняется тем, что автора нет здесь налицо. При личных переговорах можно многое было бы выяснить, выправить и сделать вещь вполне удобочитаемой. Достигнуть же этого перепиской прямо-таки невозможно. Возвращать произведение автору — жалко, — очень уж там много хорошего, жизненного, талантливого и даже умного. Печатать же в этом виде — можно вызвать вполне заслуженные нарекания и со стороны критики, и со стороны читателей, нарекания не только на журнал, но и на автора.

Положительно не знаю, что мне делать? Если Вы этот роман читали — посоветуйте! А автору, если это Вас не затруднит, черканите, чтобы он немножко еще подождал ответа, дал бы мне подумать: что и как сделать с его романом? Давит он меня, как кошмар!

Дела моего журнала понемножку налаживаются, но, если бы Вы знали, глубокоуважаемый Алексей Максимович, как трудно организовать дело, не имея в кармане гривенника «свободной наличности». Бьюсь, как рыба об лед; каждое объявление об «Кругозоре» выцарапываю зубами и когтями; порою мне кажется, что поперек меня автомобиль ездит!.. Забыл, как спят люди по-человечески! Думаю даже перебраться из Гатчины в Петербург, хотя знаю, что отсутствие воздуха для моего сердца будет весьма ощутительно. А тут еще глаза болят...

Но — будь, что будет! А «иль со щитом, иль на щите!»

Дорогой Алексей Максимович! Пришлите мне что-нибудь для первой книжки Ваше — публицистику или беллетристику — для меня одинаково желательно. Если бы Вы только знали, как Вы меня этим обрадуете и пободрите!

Если возможно, пришлите поскорее, потому что Вашу вещь я пушу непременно первым номером, стало быть, и в набор ее надо сдавать раньше всех других.

Сердечно преданный Вам В. Тихонов

16. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) $\frac{29 \text{ ноября}}{12 \text{ декабря}}$ 1912 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович!

С нетерпением жду Вашей статьи (или рассказа) для первой книжки «Кругозора». Будьте благодетелем, не задержите! И по возможности поспешите высылкой! Типография у меня скромная, работает медленно, и потому нужно сдавать туда все заблаговременно, а так как Вашу статью или рассказ я имею в виду поставить во главе книжки, то без нее и к верстке приступать нельзя.

Сердечно прошу, поддержите меня! Украсьте первую книжку Вашим именем!

А вот еще вопрос: что мне делать с романом Артемьева «Земное»? (мое мнение о нем я Вам уже излагал подробно) — вернуть ли его Вам или послать автору в Самару или куда в другое место?

Очень жду Вашего ответа и статьи. Не можете ли Вы известить телеграммой (Gatchina. Tichonoff — вот и весь адрес). Когда ждать рукопись?

Страшно волнуюсь в ожидании моего первенца.

Желаю Вам всего, что только можно пожелать лучшего.

Сердечно Ваш В. Тихонов

P. S. Рукопись Вашу, дорогой Алексей Максимович, я прошу прислать по адресу: Гатчина, Багговутовская, 5.

17. ТИХОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Гатчина.) 29 января (11 февраля) 1913 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Вместе с этим письмом Вы получите и № 1 моего журнала «Кругозор», наконец вышедшего в свет. Очень желаю и надеюсь, чтобы мое долгожданное и горячо мной любимое детище и Вы приняли ласково. Конечно, в нем много несовершенного, много недочетов, но, Алексей Максимович, если принять во внимание, что в деле создания мною журнала я выполняю задачу почти невозможную, т. е. создаю все (— из ничего; без средств и без посторонней поддержки, единственно только личным трудом и отчасти своим литературным ветеранством), то я сделал, мне

кажется, что мог и как мог (одно твердо знаю) добросовестно, по моим силам и разумению...

Илья Дмитриевич Сургучев (сейчас он в Петербурге) передавал мне, что Вы были так добры и обещали прислать рассказ или статейку к № 2 «Кругозора». Основываясь на его категорическом утверждении, я сделал об этом анонс в первой книжке¹ и очень прошу Вас, многоуважаемый Алексей Максимович, поторопиться присылкой обещанного, чтобы не пришлось задержать и второй книжки, как по вине типографии задержалась первая. А также прошу Вас назначить и гонорар, который Вы пожелаете получить за Вашу статью.

От всей души желаю Вам всего лучшего и с нетерпением жду Вашего ответа и присыла Вашей статьи.

Искренно преданный Вам В. Тихонов

¹ В № 1 «Кругозора» сообщалось, что «в февральской книжке „Кругозора“ будут помещены (...) статьи Максима Горького, Григ. С. Петрова, И. Д. Сургучева и Влад. А. Тихонова-Мордвина».

18. ГОРЬКИЙ — ТИХОНОВУ

(Капри. 12/25 февраля 1913 г.)

Уважаемый Владимир Алексеевич!

Я просмотрел первую книжку «Кругозора», и она вызвала у меня совершенно определенное впечатление — ненужности¹. Редактор Вы плохой; извините, но это необходимо сказать.

Письмо И. Д. Сургучева Вы поместили напрасно²: оно написано в таком «простом» тоне, точно Илья Дмитриевич беседует с Вами не в журнале, а в торговой бане.

Как старый литератор и редактор, Вы должны бы сказать ему, человеку молодому, в литературе новому, что беседы в таком тоне — нехорошего тона беседы и в серьезном издании им не место.

Мне очень грустно, что я вынужден сказать вам это.

А. Пешков

Капри.
13—25 февр.
1913 г.

Горький ошибся при переводе даты с нового на старый стиль.

¹ Первая кн. «Кругозора» открывалась стихотворением Пушкина «Арион»; в журн. были напечатаны: повесть С. Я. Арефина «Голубенок», рассказ А. Вережниковца «Запущенное семейство», стихи Н. Грушко, С. Полтавского, ст. Гр. Петрова «Провинциальная печать», Г. Аркатова «Отошедшие (памятка)», посвященная Н. Ф. Анненскому и Д. Н. Мамину-Сибиряку, Вл. Золотницкого «Памяти В. Я. Косова», П. Я. Рысса «За рубежом» и др.

² В своем письме к редактору «Кругозора» Сургучев выражал надежду, что журнал положит начало «хорошему (...) новому делу», будет способствовать тому, чтобы молодые начинающие писатели имели возможность ездить за границу: «...моя мысль такова: если пенсионеру Академии нужно ехать за границу — то и русскому начинающему писателю тоже нужно ехать за границу (...)»

Но (...) русский писатель беден, а особенно начинающий — беден, он зимой часто без калош ходит. Где же тут думать о загранице? В странах культурных в таких случаях приходит на помощь государство, — и Кнут Гамсун, например, мог съездить в Россию только потому, что получил казенную помощь».

В п. к Сургучеву от 12/25 февраля 1913 г. Горький писал: «Убит я Вашим письмом к Тихонову, напечатанным в „Кругозоре“».

Во-первых — в наши дни, когда литератор русский своим пьянством и пошлостями совершенно уронил себя в глазах общества, лишился у читателя всякого престижа, — читателю этому дано право ответить на Ваше письмо в самом амикушонском и юмористическом духе:

„За границу захотели? Дома-то тесно стало скандалить и паясничать?“

Во-вторых — тон письма Вашего убийственно нелитературен, точно Вы, сидя в халате после бани и выпивки, рассуждаете» (XXIX, 297).